

УДК 171
ББК Ю701.2

МЕСТО УДОВОЛЬСТВИЙ В ЭТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ И ЖИЗНЕННОМ МИРЕ В.С. СОЛОВЬЕВА

Т.Ф. ГУСАКОВА

Тюменский государственный университет
ул. Володарского, д.6. г. Тюмень, 625003, Российская Федерация
E-mail: t_gus@mail.ru

Рассматривается тема удовольствия в эпистолярном и творческом наследии В. Соловьёва. Предмет исследования – этическая проблема, касающаяся оснований поступков человека: может ли удовольствие быть фундаментальным моральным принципом? Проведен сравнительный анализ основных понятий этической системы В. Соловьёва, таких как добро, благо, удовольствие, счастье. Системно-аналитический метод позволяет рассматривать мораль как систему, в основе которой лежит понятие добра.

Кроме того, предлагается осмысление нравственного опыта В. Соловьёва, его индивидуальных ценностных выборов. Письма В. Соловьёва в этом смысле являются лучшим материалом для исследования. Обращается внимание на то, что понимание личности В. Соловьёва только как строгого аскета весьма односторонне. И хотя гедонистом Соловьёв, разумеется, не был, ему не чуждо было чувство радости и наслаждения от игры умственных сил. Ставится задача найти специфические стратегии и практики удовольствия, присущие В. Соловьёву. Результатом поисков стали четыре стратегии: удовольствие от текста; коммуникативное удовольствие; удовольствие от юмора и четвертая соловьёвская стратегия удовольствия – филантропия. В заключение подчеркивается актуальность идей Соловьёва, касающихся гедонистической доктрины: в современном обществе принцип удовольствия освобождается от стеснявших его ограничений, прежде всего от установки на мораль.

Ключевые слова: добро, благо, желание, гедонизм, удовольствие, наслаждение, соловьёвская стратегия удовольствия, эвдемонизм, мнимые начала.

THE PLACE OF PLEASURES IN V.S. SOLOVYOV'S ETHICAL SYSTEM AND LIFEWORLD

T. F. GUSAKOVA

Tyumen State University
Volodarskogo St., 6. Tyumen, 625003, Russian Federation
E-mail: t_gus@mail.ru

The theme of pleasure is considered in the epistolary and creative heritage of V. Solovyov. The research subject is an ethical problem related to the foundations of human's actions: can pleasure be a fundamental moral principle? We carried out a comparative analysis of the basic concepts of V. Solovyov's ethical system, such as the good, goodness, pleasure and happiness. The system-based analytical method provides the opportunity to view morality as a system with the concept of the good underlying.

In addition, the comprehension of V. Solovyov's moral experience, his individual value choices are suggested. As experience of an individual it is read from certain situations. To this extent, V. Solovyov's letters are the best data for research. The fact is stressed that mere understanding of V. Solovyov's personality as a strict ascetic is rather unilateral. Although Solovyov was not obviously a hedonist, the feeling of joy and delight from the game of mental energies was not alien to him. The task that the author of the article sets is to find specific strategies and practices of pleasure intrinsic to V. Solovyov. The search resulted in four strategies: text pleasure; communicative pleasure; humor pleasure and fourth Solovyov's strategy of pleasure – philanthropy. In conclusion the topicality of Solovyov's ideas in terms of the hedonistic doctrine is emphasized: in modern society the principle of pleasure is released from its constraining limits, ultimately, from a moral attitude.

Keywords: *the good, goodness, desire, hedonism, pleasure, delight, Solovyov's strategy of pleasure, eudaemonia, putative beginnings.*

Вопрос о месте удовольствий в системе этических предпочтений Вл. Соловьева может вызвать, по меньшей мере, недоумение. Ведь понятно, что в этической концепции, ориентированной на оправдание добра, удовольствие высшей ценностью являться не может. И в этом позиция Вл. Соловьева – это позиция человека, принадлежащего русской культуре. В традиционной русской культуре, сформированной в духовном поле христианства, *удовольствие* никогда не было экзистенциальной ценностью. Разумеется, это не означает, что люди не стремились к удовольствию. Просто экзистенциальный статус удовольствия был невысок. Россия с ее драматической историей никогда не была страной нег и наслаждений. Для русского народа, испытавшего в своей истории так много лишений и утрат, искусство жизни заключалось всегда в *выживании*, в умении обходиться без особого комфорта и удовольствий. Слова *выживание* и *претерпевание* лучше передают нюансы русской жизни. Но следует заметить, что удовольствие – это одна из ценностей, через которую наиболее характерно отражается позиция человека в отношении добра и зла, и в этом плане интерес Вл. Соловьева к удовольствиям не случаен.

Что же касается роли удовольствий в жизни Вл. Соловьева, то такая постановка вопроса выглядит тем более странно. О каких удовольствиях можно говорить применительно к Вл. Соловьеву, если он сам по существу своему и образу жизни – аскет? Самоотверженный труд, интенсивная умственная работа, бездомная, тяжелая, необеспеченная жизнь, одиночество, изможденный вид... Казалось бы, в структуре жизненного мира Владимира Соловьева удовольствиям вообще нет места. К такому выводу склоняет и самооценка философа. В повести «На заре туманной юности» он пишет: «Я – пессимист и аскет, я – непримиримый враг земного начала... Я, чуть ли не с колыбели познавший тщету хотения, обманчивость счастья, иллюзию удовольствий ...» [1, с. 292]. В дополнение к сказанному следует добавить горькое признание – «почти всегда хвораю».

Однако анализ работ русского философа, внимательное прочтение его писем показывают, что определенные виды удовольствий были для него значимы. Чувство удовольствия, прежде всего, связано с внутренним самоощущением. Что доставляло удовольствие такому эксцентричному и беспокойному человеку, каким был Вл. Соловьев? Прежде всего, он испытывал «величайшее» удовольствие, упоение от текста, от письма, от чтения. Упоения не возникает без полной концентрации на деятельности. Оно – результат приложения огромных усилий, вкладывания значительных ресурсов внимания. Это первая соловьевская стратегия удовольствия. Письмо для него обладало силой соблазна, и даже в самых сложных обстоятельствах он не видел оснований отказываться от радостей письма и чтения. В письме к Н.Н. Страхову (1883 г.) Соловьев благодарит его за прекрасную книжку, которую он прочел «с наслаждением и с двумя приятелями». В письме к М.М. Стасюлевичу (1893 г.) сетует на то, что не успел бы как следует пустить корни в Британском музее и только раздражил бы свои книжные аппетиты. Н.Ф. Федорову (1909 г.) Соловьев сообщает, что прочел его рукопись «с жадностью и

наслаждением духа». В письмах к В.В. Розанову (1892 г.) Соловьев заявляет, что книга будет для него «теперь желанною пищей». Подозрение в вульгарном гедонизме им отмечают. «С чего ты взял, – пишет он Н. Я. Гроту (1893 г.), – что мы с Трубецким жуируем. Мы даже осатанели над книгами, пить – пьем только яблочный квас...» [2, с. 79].

Вторая соловьевская стратегия удовольствия, тесно связанная с первой, – коммуникативная, укоренённая в структурах общения. Человеческая беседа оценивается Вл. Соловьевым как одно из самых глубоких и тонких наслаждений в жизни. «С юных лет, – отмечает Е.Н. Трубецкой, – он имел пристрастие к тем дружеским беседам, во время которых его заставляла “заря с Востока”» [3, с. 16]. Тем, кто входил в круг общения Соловьева, запомнились эти вдохновенные беседы. Да и сам процесс творчества происходил у Соловьева не только в уединении, но и во время приятельской беседы. В письмах Вл. Соловьев часто сетует на то, что ему недостает приятной беседы («преимущественно по понедельникам»). Для опосредованного общения вырабатывалась специфическая эстетика письма, призванного выразить всю остроту личных переживаний автора.

Третья стратегия удовольствия – юмор. В юморе содержится огромный заряд наслаждения. Юмор для Вл. Соловьева – интеллектуальная языковая игра. Один из предпочитаемых им способов создания комического эффекта – использование различного вида сравнений. К примеру, в Лондоне ходить по улицам без цилиндра «почти все равно, что без штанов». В ход идут и гиперболы: «Я мало-помалу превращаюсь в машину Ремингтона» («строчу в три руки»)¹. В эпистолярном творчестве Вл. Соловьева проявляется не только его глубокий ум, но и ум острый. В письме к Н.Я. Гроту (1893 г.), описывая свое нездоровье, он находит силы для самоиронии: «А может быть, я просто начинаю переходить из твердого состояния в жидкое, чтобы потом перейти в газообразное» [2, с. 72]. С бесподобным юмором он описывает свое путешествие в Египет, где он видел «настоящую сфинксу» и эта «сфинкса очень кланяется маме, с которой она почему-то считает себя в родстве»². Необычным проявлением силы духа В. Соловьева является его игра со смертью, объявление себя умершим (письмо к Э.Л. Радлову, 1892 г.), составление шуточной эпитафии или веселое предположение о том, что будет сказано о нем в предстоящем некрологе (письмо к М.М. Стасюлевичу, 1895 г.).

Наиболее специфичный коррелят юмористической эйфории – смех. Многим запомнился заразительный смех Вл. Соловьева. По выражению Е.Н. Трубецкого, он обладал «удвоенной против других чувствительностью к смешному»³. С.М. Соловьев писал о нем: «Смех В.С. был или здоровый олимпийский хохот неистового младенца, или мефистофелевский смешок хе-хе, или то и другое вместе» [6, с. 51]. Шуточные стихи, розыгрыши, каламбуры, остроты были его страстью. Но при этом Соловьев не был балагуром и весельчаком в обыденном, привычном смысле этого слова: веселое настроение могло резко смениться безысходной грустью или угрюмым молчанием.

¹ См.: Соловьев В.С. Письма: в 4 т. Т. 4. СПб.: Время, 1923. С. 46 [4].

² См.: Соловьев В.С. Письма: в 4 т. Т. 2. СПб.: Общественная польза, 1909. С. 18 [5].

³ См.: Трубецкой Е.Н. Мирозерцание Вл.С. Соловьева: в 2 т. М.: Путь, 1913. Т. 1. С. 4 [3].

Четвертая соловьевская стратегия удовольствия – филантропия. Будучи великодушным человеком, Вл. Соловьев охотно, с удовольствием помогал нуждающимся, имел репутацию щедрого благотворителя и бессребренника. Название его главного этического труда – «Оправдание добра» – содержит ориентир на утверждение добра, милосердие и сострадание. Для Вл. Соловьева справедливость и милосердие являются основными нравственными добродетелями. Чужое страдание побуждало его к деятельной помощи, в милосердной любви к людям он был инициативен и абсолютно бескорыстен. Ради друзей всегда был готов на жертвы. Нередко по причине своей «неблагоразумной филантропии или филантропического неблагоприятия» он попадал в затруднительное положение, сам испытывал острую нужду, но желание делать добро людям оставалось неизменным. «Он был *бессребренником* в буквальном смысле слова, – пишет Е.Н. Трубецкой, – потому что серебро решительно не уживалось в его кармане; и это – не только вследствие редкой своей детской доброты, но также вследствие решительной неспособности ценить и считать деньги. Когда у него их просили, он вынимал бумажник и давал, не глядя, сколько захватит рука, и это – с одинаковым доверием ко всякому просящему. А, когда у него не было денег, он снимал с себя верхнее платье» [3, с. 12].

Таким образом, анализ эпистолярного наследия выявил четыре стратегии удовольствия, присущие Вл. Соловьеву: удовольствие от текста; коммуникативное удовольствие; удовольствие от юмора и филантропия.

В своей практической философии Соловьев дифференцирует понятия «добро» и «благо». Добро и благо должны бы «покрывать друг друга», по выражению русского мыслителя, но реально благо, понимаемое в субъективном смысле, противостоит добру. Добро абсолютно, оно признается таковым по своей сути и «определяется не личным произволом». Добро – единый для всех абсолют, а благо, отделенное от добра и понимаемое как благополучие, относительно. Оно всегда *чье-то* и признается таковым относительно того или иного человека, «под благополучием всякий имеет право понимать все, что ему угодно»⁴. Кроме того, благо имеет привязку к ситуации. Благом может оказаться и то, что сделано не из добрых побуждений. В отличие от добра, благо – это то, что желают, к чему стремятся, что непосредственно определяет волю человека. Добро воплощает высшую, «сверхчеловеческую» (Вл. Соловьев), божественную точку зрения на мир, а благо представляет человеческую точку зрения на мир, связано с человеческой шкалой оценок. Чтобы не оказаться мнимым, благо должно быть обусловлено добром. Добро есть безусловно должное, но не все желают того, что должно. Когда вместо должного поставлено желательное, то цель жизни сводится к удовольствию.

Гедонизм опасен тем, что исключает высшие ценности и абсолютные смыслы. Удовольствие индивидуально, относительно, множественно. «Один человек, – замечает Соловьев, – находит величайшее наслаждение в том, чтобы пить водку, а другой ищет блаженств, которым нет названия и меры нет» [7, с. 142]. По Вл. Соловьеву, удовольствие не может быть универсальным моральным принципом прежде всего потому, что разнообразны человеческие

⁴ См.: Соловьев В.С. Оправдание добра: Нравственная философия. М.: Республика, 1996. С. 154 [7].

вкусы и разнородны пристрастия. Кроме того, удовольствие несостоятельно как нравственный принцип по той причине, что существуют и безнравственные, постыдные удовольствия, а также удовольствия, которые ведут «к явной и несомненной гибели». Удовольствие можно найти в оскорблении и мучении своих ближних, наслаждаясь их унижением. По тонкому наблюдению Соловьева, удовольствие может придать безнравственный характер таким действиям, которые сами по себе нейтральны, безразличны. Когда, например, солдат на войне убивает неприятеля по «долгу службы», его нельзя обвинить в безнравственности и жестокости, но совсем другое дело, если он находит удовольствие в убийстве и с наслаждением прокалывает человека штыком.

Удовольствие определяется Соловьевым в общем плане как «удовлетворенное желание», «состояние воли, достигшей своей цели», а «в его конкретных состояниях» – как «ощущение приятности». Ситуация удовольствия вовсе не тождественна ситуации блага. *Приятное* отличается от *благого* тем, что оказывает влияние на волю человека «по чисто субъективным причинам» и не может претендовать на статус принципа, обязательного для всех. Кроме того, желательность предметов, то есть их возможность выступать для человека в качестве благ, далеко не всегда соответствует приятности ощущений, ими доставляемых. Поясняя различия между благом и удовольствием, русский мыслитель пишет: «Вообще желательность тех или других предметов, или их значение как благ, определяется не последующими субъективными состояниями удовольствия, а объективными взаимоотношениями этих предметов с нашею телесною или душевною природою...» [7, с. 144]. Удовольствие не есть сущность блага, оно всего лишь «спутник блага»: достижение тех или иных благ обычно сопровождается ощущением удовольствия. На принципе удовольствия могут основываться как добрые, так и злые поступки.

Русский философ пронизательно указывает на связь гедонизма с крайним пессимизмом. Действительно, при невозможности удовлетворить стремление к удовольствиям или при отрицательном балансе жизни гедонистическая концепция ввергала своих адептов в нигилистические бездны небытия, усматривая в смерти основной смысл и главное деяние жизни (вспомним, например, призывы киренаика Гегесия к автоаннигиляции). Удивительно, но в этом жизнерадостном по своей изначальной сути учении есть что-то, излучающее тягу к смерти.

Другая опасность – скука. Стремление к наслаждению, отмечает Соловьев, «достигая цели, оказывается обманчивым, так как за мгновенным чувством удовлетворения неизбежно следует скука и новая мучительная погоня за обманом»⁵. Удовольствия, порождающие ощущение пустоты и так или иначе всегда возвращающие нас всё к той же скуке, не могут быть её альтернативой. Слова русского философа о тесной связи этих двух явлений звучат удивительно актуально. Существование современного человека отмечено скукой. Драматическим образом скука нарастает. Мощная и разветвленная индустрия удовольствий и развлечений, созданная в современном обществе, – своеобразный индикатор распространенности скуки. Скука – симптом эмоционального голодания, и, вероятно, поэтому такое огромное значение сегодня придается всему экстравагантному и оригинальному, а не подлинным ценностям.

⁵ См.: Соловьев В.С. Оправдание добра: Нравственная философия. С. 143.

Несостоятельность гедонизма, по мысли Соловьева, проявляется и в том, что в понятии удовольствия его всеобщность есть только формально-логическая, или отвлеченная, не выражающая никакого определенного и действительного единства и потому не дающая никакого общего принципа или правила действия. Из того общего факта, что всякий хочет того, что ему приятно, никакого общего принципа или правила действия вывести невозможно. Следует отметить, что в этих рассуждениях Соловьева довольно заметны гегелевские реминисценции. В «Философской пропедевтике» Гегель обратил внимание на то, что «удовольствие случайно по своему содержанию, потому что может возникать в связи с любым предметом, а так как оно не зависит от содержания, то представляет собой нечто формальное⁶. Удовольствие можно извлекать из всего – из активной деятельности и пассивного созерцания, из добродетели и порока, из свободы и насилия, из любви и ненависти, из гас-трономии и шедевров искусства.

Отвечая на вопрос, что полагать основой нравственности, Вл. Соловьев приходит к выводу, что фундаментом нравственности, ее безусловным началом является добро, тогда как удовольствие русский философ относит к мнимым началам практической философии. По мнению Вл. Соловьева, гедонистическая доктрина ошибочна: удовольствие не может быть целью человеческих стремлений. Ведь предметом желаний и стремлений являются «определенные реальности, а не приятные ощущения, от них происходящие. Для голодного и жаждущего хлеб и вода прямо вождельенные предметы, а не средство получения вкусовых удовольствий⁷. Удовольствие возможно как *побочный эффект достижения цели, эпифеномен* или, по словам Соловьева, «следствие стремления, достигшего своей цели, а не целью...»⁸. Влечение к удовольствиям не должно существовать как самоцель. Активные целевые поиски наслаждения, форсированная направленность на их получение содержат в себе определенную угрозу человеческой сущности. Гедонизм – своеобразная западня, «мучительная погоня за обманом», в которую попадает тот, кто видит смысл жизни в удовольствиях. Особенно показательна в этом отношении болезнь современного общества – наркомания, определяемая специалистами как «болезнь удовольствий».

Как тонкий аналитик, Вл. Соловьев понимает, что «зло не в материальном наслаждении, а в душевном пожелании, с ним соединяющемся⁹. Следовательно, ограничению должны подвергаться не сами наслаждения, а желания. Без контроля над нашими желаниями мы отдаемся «наслаждению в полную власть, с потерей всякого самообладания, становясь рабами плоти»¹⁰. Безграничная свобода желания означает отрицание другого человека, отказ от всякой жалости, бессердечие. Потребности и желания гедонистически мотивированной личности неизбежно сталкиваются с желаниями других. Другой

⁶ См.: Гегель Г.В.Ф. Философская пропедевтика // Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1973. С. 57 [8].

⁷ См.: Соловьев В.С. Оправдание добра: Нравственная философия. С. 144.

⁸ Там же.

⁹ См.: Соловьев В.С. Духовные основы жизни // Соловьев В.С. Избранные произведения. Ростов-н/Д: Феникс, 1998. С. 148 [9].

¹⁰ Там же.

человек с его желаниями становится лишь досадным препятствием, которое надо сломить, преодолеть.

В классификации удовольствий, которую мы находим в соловьевской работе «Критика отвлеченных начал», выделяются четыре их рода: во-первых, материальные наслаждения человека как животного организма; во-вторых, наслаждения эстетические; в-третьих, наслаждения умственные и, наконец, в-четвертых, наслаждения воли, или наслаждения собственно нравственные¹¹. Автор отрицает принадлежность наслаждений первого рода собственно человеческой природе. Связанные с функциями организма, они входят лишь в материальную основу жизни и не могут сами по себе стать целью и содержанием человеческой жизни. Тех, кто все же полагает цель своего существования в материальных наслаждениях, ждет пресыщение, скука, внутренняя пустота, отвращение к жизни и, как итог, возможное самоубийство, «печальное, но убедительное доказательство высшей природы человека»¹². Как нам представляется, Вл. Соловьев нашел удачный антропологический аргумент для опровержения «низкопотребностного» гедонизма.

Сложнее дело обстоит с высшими наслаждениями. Возвышенные наслаждения (эстетические, умственные, нравственные) не могут быть возведены в ранг всеобщего высшего блага, так как они, во-первых, доступны только для избранных; во-вторых, даже для них недостаточны, ибо не воздействуют на их волю; в-третьих, они не защищены от скептицизма; в-четвертых, и высшие наслаждения не прочны и не долговечны, эфемерны. «Конечно, – пишет Соловьев, – если бы наши удовольствия были пребывающими реальностями, которые можно было бы накапливать как имущество»¹³, то благоразумный эвдемонист имел бы преимущество перед беспутным прожигателем жизни. Удовольствие, увы, нельзя запасти впрок. Его, как скоропортящийся продукт, невозможно сохранить.

Итак, подводя итоги, отметим, что гедонистический принцип русский философ относит к частному, или к мнимому началу нравственности. Безусловно, своя правда есть и в гедонизме: в любой философской концепции содержатся истинные моменты, которые, однако, превращаются в *ложные отвлеченные начала*, как только эти концепции начинают претендовать на объяснение всего и вся. Понятие удовольствия входит, по утверждению русского философа, в высшее нравственное начало как один из его признаков, но не выражает его сущности. Нравственное начало, которое должно определять практическую деятельность человека, не редуцируется к понятию удовольствия или счастья. Человек, по мысли Соловьева, преодолевая «отвлеченные начала», должен стремиться к благу целостному, понимаемому как постепенное одухотворение человека через «внутреннее усвоение и развитие божественного начала». В этом и состоит смысл движения человечества к богочеловечеству.

Оценка Вл. Соловьевым гедонизма во многом совпадает с оценками других русских философов. Удовольствие как гедонистическое благо воспринимается в русской философии неоднозначно, оно может, по словам

¹¹ См.: Соловьев В.С. Критика отвлеченных начал // Полное собрание сочинений и писем в 20 т. Т. 3. М.: Наука, 2001. С. 28 [10].

¹² Там же. С. 29.

¹³ См.: Соловьев В.С. Оправдание добра: Нравственная философия. С. 147.

Н.А. Бердяева, быть «безобразным и безнравственным». Для Бердяева наслаждение сопряжено с ощущением «неудобно», «неловко», «стыдно», он критикует «гедонистов всех оттенков» и доказывает, что основной принцип гедонизма (удовольствие) противоречит идее движения личности к совершенству. Н.А. Бердяев справедливо полагает, что удовольствие не может быть предметом стремления человека, не может быть целью и смыслом жизни, из него нельзя извлечь никаких нравственных императивов, напротив, само удовольствие подлежит нравственному суду. Ф.М. Достоевский называл гедонизм «пищеварительной философией», И.А. Ильин – «противодуховной». Гедонистическая доктрина явно *не резонирует* с традициями русской культуры.

В контексте современной духовной ситуации, когда идеалы «снижены» до гедонистических и не востребованы метафизические глубины, а человек находится в плену материалистических установок, потребительских ценностей, комфорта, развлечений и удовольствий, критика Вл. Соловьевым гедонистического мировоззрения приобретает особую актуальность. Душа современного человека «отформатирована» гедонистическими ценностями таким образом, что исчезает потребность в высших уровнях существования, воля приковывается к низшим этапам существования. Человек же, по Соловьеву, должен охранять себя от низшей природы и противодействовать ее захватам. Жизнь не по духу, а по плоти – следствие нарушения должной иерархии антропологических ипостасей. Гипертрофия гедонистического начала видоизменяет саму природу человека: идут процессы упрощения человеческого сознания, обеднения его ценностно-смысловой сферы, редуцируется духовное измерение человеческого существования.

Список литературы

1. Соловьев В.С. Письма: в 4 т. Т. 3. СПб.: Общественная польза, 1911. 343 с.
2. Соловьев В.С. Письма: в 4 т. Т. 1. СПб.: Общественная польза, 1908. 288 с.
3. Трубецкой Е.Н. Миросозерцание Вл.С. Соловьева: в 2 т. М.: Путь, 1913. Т. 1. 643 с.
4. Соловьев В.С. Письма: в 4 т. Т. 4. СПб.: Время, 1923. 247 с.
5. Соловьев В.С. Письма: в 4 т. Т. 2. СПб.: Общественная польза, 1909. 373 с.
6. Соловьев С.М. Биография Владимира Сергеевича Соловьева // Соловьев Вл. Стихотворения. М.: Русский книжник, 1921. 368 с.
7. Соловьев В.С. Оправдание добра: Нравственная философия. М.: Республика, 1996. 479 с.
8. Гегель Г.В.Ф. Философская пропедевтика // Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1973. С. 7–209.
9. Соловьев В.С. Духовные основы жизни // Соловьев В.С. Избранные произведения. Ростов-н/Д: Феникс, 1998. С. 122–275.
10. Соловьев В.С. Критика отвлеченных начал // Полное собрание сочинений и писем в 20 т. Т. 3. М.: Наука, 2001. С. 8–360.

References

1. Solov'ev, V.S. *Pis'ma v 4 t., t. 3* [Letters of Vl. Solovyov in 4 vol., vol. 3]. Saint-Petersburg: Tipografiya «Obshchestvennaya pol'za», 1911. 343 p.
2. Solov'ev, V.S. *Pis'ma v 4 t., t. 1* [Letters of Vl. Solovyov in 4 vol., vol. 1]. Saint-Petersburg: Tipografiya «Obshchestvennaya pol'za», 1908. 288 p.
3. Trubetskoy, E.N. *Mirosozertsanie Vl. Solov'eva v 2 t., t. 1* [Solovyov's ideology in 2 vol., vol. 1]. Moscow: Put', 1913. 652 p.
4. Solov'ev, V.S. *Pis'ma v 4 t., t. 4* [Letters of Vl. Solovyov in 4 vol., vol. 4]. Saint-Petersburg: Vremya, 1923. 247 p.

5. Solov'ev, V.S. *Pis'ma v 4 t., t. 2* [Letters of V.I. Solovyov in 4 vol., vol. 2]. Saint-Petersburg: Tipografiya «Obshchestvennaya pol'za», 1909. 373 p.
6. Solov'ev, S.M. Biografiya Vladimira Sergeevicha Solov'eva [The Biography of Vladimir Sergeevich Solovyov], in Solov'ev, V.I. *Stikhotvoreniya* [Poems]. Moscow: Russkiy knizhnik, 1921. 368 p.
7. Solovyov, V.S. *Opravdanie dobra. Nравstvennaya filosofiya* [The Justification of the Goodness: Moral Philosophy]. Moscow: Respublika, 1996. 479 p.
8. Gegel', G.V.F. Filosofskaya propedeutika [Philosophical Propaedeutics], in Gegel', G.V.F. *Raboty raznykh let: v 2 t., t. 2* [Works of Different Years: in 2 vol., vol. 2]. Moscow: Mysl', 1973, pp. 7–209.
9. Solov'ev, V.S. Dukhovnye osnovy zhizni [The Spiritual Basis of Life], in Solov'ev, V.S. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Rostov-on-Don: Feniks, 1998, pp. 122–275.
10. Solov'ev, V.S. Kritika otvlechennykh nachal [Critics of unrelated basics], in Solov'ev, V.S. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem v 20 t., t. 3* [Complete collection of works in 20 vol., vol. 3]. Moscow: Nauka, 2001, pp. 8–360.